Digitized by the Internet Archive
in 2025 with funding from
Getty Research Institute

https://archive.org/details/oikonindanokeinc00asee

из собр. Пунина

НИКОЛАЙ АСѢЕВЪ

Уникальный экз. Обложка
Марии Сивяковой
для Пунина

ЧЕТВЕРТАЯ КН. СТИХОВЪ

«ОЙ КОНИН ДАН ОКЕЙН!»

К-ВО «ЛИРЕНЬ»
МОСКВА—1916

Изъ общаго числа экземпляровъ пятьдесятъ въ атласныхъ переплетахъ. (Обложка — рисунокъ отъ руки Маріи Синяковой).

«ПОВѢЙ ВОЯНА»

ВСТУПЛЕНІЕ

Еще никто не стиснулъ брови
Врагамъ за думой одолѣть ихъ
Когда, шумя стаканомъ крови,
Шагнуло пьяное столѣтье.

Какъ старый лѣкарь ржавымъ шиломъ,
Увидя знакъ болѣзни тяжкой
Онъ отворилъ засовы жиламъ
И бросилъ сгустки въ неба чашку.

Была страна какъ новый рой,
Курилась жизнь, какъ свѣжій улей;
Ребенокъ утренней порой
Игрался съ пролетавшей пулей.

Одинъ поетъ любовь, любовь, любовь
Во что бы то ни стало!
Другой—мундира голубого
Сверкаетъ свѣжестью кристалла.

Но то—разсерженный грузинъ,
Осиною скосивши талью,
На небо синее грозилъ,
Свѣтло—отплевываясь сталью.

Но то—въ предѣлы моряка,
Знамена обрывая въ пѣну
Вкатилась . . . . . .
. . . . . .

Еще смертей двойныхъ, тройныхъ
Всходилъ опары воздухъ сдобный,
А ужъ—труба второй войны
Запѣла жалобно и злобно.

Пускай тоски и слезъ и сна
Не отряхнешь въ крови и чадѣ:
Мнѣ въ ноги брякнулась весна
И молитъ пѣсенъ о пощадѣ.

Еще! Исковерканный страхомъ
Колѣни молю исполина:
Здѣсь все разсыпается прахомъ
И липкой сливается глиной!

Вотъ день: онъ проползъ безъ тебя вѣдь
Упорный, весенній и гладкій,
Кого же мнѣ пѣсней забавить
И выдумать на ночь загадки?

А вечеръ, въ шелкахъ раздушённыхъ
Кокетливъ, невиненъ и юженъ,
Расцвѣтши сквозь сотни душенокъ,
Мнѣ больше не милъ и не нуженъ

Притиснуть бы за руки небо,
Опять наигравшее юность,
Спросить бы: «Такъ боль эта—небыль?»
И—жизнью въ лицо ему плюнуть!

Зажать голубыя ладони,
Чтобъ выдавить снѣжную просѣдь,
Чтобъ въ зимнемъ, зашедшемся стонѣ
Безумье услышать—и бросить!

А можетъ мнѣ вѣрить ужъ не съ кѣмъ
И міръ—только страшная морда
И только по пѣсенкамъ дѣтскимъ
Любить можно вѣрно и твердо:

«У облакъ темнѣютъ лица
«А слезы ты знаешь солёны жъ какъ?
«Въ какомъ мнѣ небѣ залиться,
«Сестрица моя Аленушка!»

Если ночь всѣ тревоги вызвѣздитъ,
Какъ платокъ полосатый сартовскій,
Проломаю свозь вечеръ Мартовскій
Млечный путь наведенный известью.

Я пучкомъ телеграфныхъ проволокъ
Отъ арктура къ большой медвѣдицѣ
Исхлестать эти степи пробовалъ
И въ длинѣ ихъ спинъ разувѣриться.

Но и тамъ истлѣваетъ высь вездѣ,
Какъ платокъ полосатый сартовскій,
Но и тамъ этотъ вечеръ Мартовскій
Надъ тобой поблѣднѣлъ и вызвѣздилъ

Если бъ даже не эту тысячу
Обмотала ты верстъ у пояса:—
Все равно отъ меня не скроешься
Я до ногъ твоихъ сердце высучу!

И когда бы любовь-притворщица
Ни взметала тоски грозу мою,
Кожа дней почернѣвши сморщится
Такъ прожжетъ она жизнь разумную.

Если мнѣ умереть—вѣдь и ты со мной!
Если я—со зрачками мокрыми—
Ты горишь красотою писаной
На строкѣ прикушенной до крови.

ВЕНГЕРСКАЯ ПѢСНЬ

Простоволосовыя ивы
Бросили руки въ ручьи.
Чайки кричали: «Чьи вы?»
Мы отвѣчали: «Ничьи!»

Бьются Перунъ и Одинъ
Въ прасини захрипѣвъ;
Мы жъ не имѣемъ родинъ
Чайкамъ сложить припѣвъ.

Такъ развѣвайся надъ прочими
Вѣтеръ суровый утонченникъ,
Ты разрывающій клочьями
Сотни любовей оконченныхъ.

Но не умрутъ глаза —
Міръ ими видѣли дважды мы.
Крикнуть сумѣютъ назадъ
Смерти приспѣшнику каждому.

Тамъ, гдѣ увяли ивы,
Гдѣ остываютъ ручьи
Чаекъ, кричащихъ «Чьи вы?»
Мы обратимъ въ ничьихъ.

ОТКРОВЕНІЕ

Тотъ, кто передъ тобой никъ
Запѣвши твоей свирѣлью
Былъ такой же разбойникъ,
Тебя обманувшій смиреньемъ.

Изъ мочекъ рубины рвущій
Свой гнѣвъ теперь на него лью,
Чтобъ . . . . холеныя уши
Рвануть огневою болью.

Пускай не одинъ на свѣтѣ,
Но я—передъ нимъ вѣдь нищій
Я годы собралъ изъ мѣди,
А онъ перечелъ ихъ тыщи

А! Если бъ узнать навѣрно
Хотя бъ въ предсмертномъ хрипѣ,
Какъ желты въ Сити соверны—
Я море бы глоткой выпилъ

А если его избранникъ
Окажется среди прочихъ,
Какъ изъ подъ лохмотьевъ рваныхъ
Мой ножъ заблеститъ изъ строчекъ

И вотъ, оборвавъ смиренье,
Кричу, что передъ тобой никъ
Душистой робкой сиренью,
Тебя не узнавшій разбойникъ.

СКАЧКИ

Жизнь осыпается пачками
Рублей, на осеннемъ свѣтѣ
Въ небѣ—какъ флагъ надъ скачками
Облако высинилъ вѣтеръ...

Развѣ жъ не Богъ мнѣ Васъ далъ?
Что жъ . . . надѣвши время
Воздухъ вокругъ загваздалъ
Грязью призовъ и премій

Онъ мнѣ всю жизнь глаза ѣстъ,
Давъ въ непосильный даръ ту,
Кто какъ звонокъ на заѣздъ
Съ нимъ меня гонитъ къ старту.

Я обгоню въ вагонѣ,
Скрыться рванусь подъ крышу,
Грохотъ его погони
Уши зажму и слышу,

Слышу его какъ въ рупоръ,
Спину сгибая круто
Рубль зажимая въ руку
Самоубійцы Брута.

За отрядъ улетѣвшихъ утокъ,
За сквозной походъ облаковъ
Мнѣ хотѣлось отдать кому-то
Золотые глаза вѣковъ...

Такъ сжимались поля, убѣгая
Словно осенью старыя змѣи,
Такъ за синюю полу гая
Ты схватилась отъ дали нѣмѣя,

Что мнѣ стало совсѣмъ не страшно:
Вѣдь какія слова ни выстрой—
— Все равно стоять въ рукопашной
За тебя съ пролетающей быстрью

А крылами взмахнувшихъ утокъ
Мнѣ прикрыла осень лишь очи,
Но тебя и слѣпой—зову такъ,
Что изорвано небо въ клочья.

ПРОКЛЯТІЕ МОСКВѢ

Съ улицъ гастроли Люце
Были какой-то небылью
Казалось—Москвы на блюдце—
Одинъ только я неба лью.

Нынче кончалъ скликать
Въ грязь.... и бань его я,
Что онъ стоитъ въ вѣка
Званье свое вызванивая.

Развѣ шагнуть съ холмовъ
Трудно и выйти на поле
Если до губъ полно
И слезы весь Кремль закапали

Развѣ одной Москвой
Желтой живемъ и ржавою,
Мы бы могли насквозь
Небо пробить державою.

Развѣ Кремлю не стыдъ
Руки скрестить великія
Ну такъ . . . . . .
. . . . . .

Оттого ли грустя у хруста
У растущаго остро стука
Синева онѣмѣла пусто,
Какъ въ глазахъ сумасшедшихъ—мука.

Раздушенный ли воздухъ слишкомъ,
Слишкомъ скоро тоской растаявъ,
Какъ и я по кричащимъ книжкамъ
Лишь походку твою оставилъ

Или вѣтеръ, сквозной и зябкій,
Надувающій болью уши,
Какъ жидовскія треплетъ тряпки
По тебѣ свои мысли сушитъ?

Онъ, какъ я, этотъ южный рохля,
Забивающій весны клиномъ
Безъ тебя поблѣднѣлъ и проклятъ
И туда—если пустишь—хлынемъ.

Забывай насъ совсѣмъ, или бросся
Черезъ звѣзды, сквозь злобный кругъ ихъ,
Чтобъ разбить этихъ острій розсыпь—
Эту пригоршню дней безрукихъ.

Когда земное склонитъ лѣнь
Выходитъ стѣнью тѣни лань,
Съ вѣтвей скользитъ бѣлѣя лунь,
Волну сердито взроетъ линь

И чей-то станъ колеблетъ стонъ,
То можетъ панъ, а можетъ пень...
Изъ тины тѣнь, изъ сини сонъ
Пока на Донъ не ляжетъ день.

А коса твоя—осени сѣнь—
Ты звѣздамъ приходишься родственницей.

Какъ желтыя крылья иволги,
Какъ стоны тяжелыхъ выпей *
Ты пѣсню зажги и вымолви
И сердце тоскою выпей!

Вѣдь здѣсь—какъ подарокъ царскій—
Такъ свѣтится солнце кротко намъ,
А тамъ—огневое сартское
Шатромъ надъ тобой оботкано.

Всплыву на зарёвой дрёмѣ
По утреннсй синей пустынѣ
И—нѣту мнѣ мужества кромѣ
Того, что къ тебѣ не остынетъ

Но въ горъ голубой оправѣ
Всѣ дали вдругъ станутъ твёрстыми
И нечему сна исправить,
Обросшаго злыми верстами.

У облакъ темнѣютъ лица,
А слезы ты знаешь солёны жъ какъ!
Въ какомъ мнѣ небѣ залиться,
Сестрица моя Аленушка?

---

* выпь—болотная птица.

Царь играетъ на вѣтренныхъ гусляхъ
У звѣрей молодого села,
На снѣга засинѣвшіе грустью
Упадали морщинки съ чела.

Левъ, лицомъ обращенный ко звѣздамъ,
Унесенные пляской олени,
На Него ополчившійся ростомъ
Слонъ, лазури согнувшій колѣни.

Все сосущее солнечный разумъ,
Поднимавшее силу и славу
Про тебя пролетѣвшимъ разсказомъ
Приминаетъ шуршащую траву

Но, расправивъ надъ горечью зори
И закинувъ росы рукава,
Царь ушелъ, унося ихъ во взорѣ,
Переставъ за тебя ликовать.

У подрисованныхъ бровей,
У пляской блещущаго тѣла
На маемъ млѣющей травѣ
Душа прожить не захотѣла

Захохоталъ холодный лѣсъ
Шатались вѣтви, выли дубы,
Когда іюньскій день долѣзъ
И впился ей нѣмѣя въ губы.

— Когда старѣйшины молчатъ
Тупыхъ клыковъ лелѣя опытъ —
Не вой ли маленькихъ волчатъ
Снѣга залегшіе растопитъ.

Ногой тяжелой шли вѣка,
Ушли міры любви и злобы
И вотъ—въ полетѣ мотылька
Ея узнаетъ поступь кто бы?

Всѣ пѣсни желтыхъ иологъ
Храни, храни ревниво логъ.

ЧЕРЕЗЪ ГРОМЪ

Какъ соловей расцѣловавшій воздухъ
Коснулись дни звенящіе твои меня
И я ищу въ качающихся звѣздахъ
Тебѣ узоръ красивѣйшаго имени.

Я можетъ сердцемъ до тла изолганъ:
Вотъ повторяю слова—все тѣ же,
Но ты мнѣ въ уши ворвалась Волгой
Шумишь и машешь волною свѣжей

Мой голосъ брошенъ съ размаху въ пропасть
Весь въ черной пѣнѣ качаетъ берегъ,
Срываю съ сердца и ложь и робость
Твои повсюду сверкнули серьги!

По горло волны! Пропой еще чѣмъ
Тебя украсить любовь и лебедь,
Я дней закорчившихся отъ пощечинъ
Срываю нынче отвѣты въ небѣ!

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЛИРЕНЬ»

МАЙ 1916.

Николай Асѣевъ и Григорій Петниковъ.—Лѣторѣй. Книга стиховъ. Обл. М. Синяковой. М., 1915. ц. 70 к. (Арестъ снятъ). (Распродано).

Божидаръ. Бубенъ. М., 1914. ц. 50 к. (распродано).

Божидаръ. Бубенъ. 2-е изданіе. Рис. М. Синяковой. М., 1916. ц. 80 к.

Николай Асѣевъ. Зоръ. 2 кн. стиховъ, изд. самописью. М., 1914. ц. 50 к.

Новалисъ. Фрагменты въ переводѣ Григорія Петникова кн. I. М., 1914. ц. 70 к. (распродано).

Новалисъ. Цвѣтень въ переводѣ Григорія Петникова (печатается).

Николай Асѣевъ. «Ой данъ окейнъ». 4 кн. стиховъ. М., 1916. ц. 50 к.

Григорій Петниковъ. Стихи 1912—1915 (готовится).

Божидаръ. Стихи и сказки (печатается).

Николай Асѣевъ и Григорій Петниковъ. Упѣвки языка. Статьи (печатается).

Николай Асѣевъ. «Повѣй Вояна» (печатается).

Лѣторѣй.—**Асѣевъ—Петниковъ.** Выходитъ 2-е дополненое изданіе.

Григорій Петниковъ. Переводы изъ Малларме (готовится).

Складъ изданій: Т-во Карбасниковъ,
Москва, Моховая, 24.

Издательство „Журавль“

послѣднія изданія:

В. Хлѣбниковъ. «Время—Мѣра—Міра».

К. Малевичъ. «Супрематизмъ». Новый худож. Реализмъ.

Е. Гуро. Бѣдный Рыцарь (печатается).

Петроградъ, Песочная, 10, кв. 12.

Книги Николая Асѣева.

НОЧНАЯ ФЛЕЙТА. Москва, 1913. 50 к.

ЗОРЪ. Стихи. К-во «Лирень», Москва, 1914. 50 к.

ЛѢТОРѢЙ. (Н. Асѣевъ и Гр. Петниковъ). М. К-во «Лирень», 1915.

«ОЙ КОНИН ДАН ОКЕЙН». 4-ая кн. стиховъ. М. К-во «Лирень», 1916.

SPECIAL 88-B
24050

THE GETTY CENTER
LIBRARY

К—ВО
«ЛИРЕНЬ»

Типо-лит. Сергѣева

ЦѢНА РУБЛЬ.